

РАЗДЕЛ 3. Исследования отдельных жанров

УДК 81-7
ББК 83

О.П. Ермакова
Калуга, Россия

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ИРОНИЯ РЕЧЕВЫМ ЖАНРОМ?

(еще раз о некоторых особенностях иронии)

Аннотация. В статье автор рассматривает разные точки зрения на популярный в современной теории речевых жанров вопрос о том, является ли ирония речевым жанром.

Обсуждаются разные понимания сущности иронии, а также место иронии по отношению к более или менее смежным коммуникативно-речевым феноменам: отношение иронии к юмору (в том числе к различным жанрам комического, таким как шутка, анекдот, издевка), возможность грубости в иронических текстах (агрессия иронии может проявляться не только в виде тонкой насмешки, но и в грубой форме), ирония и самоирония во внутренней речи (ирония, не высказанная по этическим, дипломатическим и другим причинам: ироническое согласие или насмешливая реакция на речь лица, с которым у иронизирующего нет диалога, а также цитирование самого себя). Подробно рассматриваются несколько конкретных приемов «тонкой иронии» (сильное преуменьшение степени отрицательной оценки лица или ситуации, особенно типичное для английской и американской литературы).

Ключевые слова: ирония, юмор, самоирония, диалог, косвенные ответы, анекдот, внутренняя речь, грубость, издевательство.

Сведения об авторе: Ольга Павловна Ермакова, профессор кафедры русского языка, доктор филологических наук, профессор.

Место работы: Калужский государственный университет, филологический факультет, кафедра русского языка.

E-mail: Liter@kspu.kaluga.ru; ermakowa_olga@mail.ru

O.P. Ermakova
Kaluga, Russia

IS IRONY A SPEECH GENRE?

(once again, about some features of irony)

Abstract. In the article the author examines the different points of view on a popular question of current theory of speech genres: whether irony is a speech genre. The author discusses different ways to understand the essence of irony, and the place of irony in the more or less related communicative speech phenomena: the relation between irony and humor (including the various genres of humor, such as jokes, anecdotes, mockery), the possibility of rudeness in ironic texts (ironic aggression can manifest itself not only in the form of a thin ridicule, but in rough shape), irony and self-irony in internal speech (the irony is not expressed due to ethical, diplomatic or other reasons: ironic or sarcastic consent reaction to the speech of the person with whom there is no dialogue, and the ironic citation itself). Some specific methods of "subtle irony" are considered in detail (strong underestimation of the negative evaluation of the person or situation, especially typical for English and American literature).

Key words: irony, anecdote, dialogue, humour, speech, internal speech, rudeness, mockery.

About the author: Olga Pavlovna Ermakova, professor of Russian language Department, Doctor of Philology, professor.

Place of employment: Kaluga State University, Faculty of Philology. Department of Russian Language.

Не подлежит сомнению, что ирония – явление чрезвычайно многоликое, это отражается и в разнообразии подходов к её изучению, и в понимании разными исследователями сущности иронии.

В этой статье, не касаясь всего комплекса вопросов, рассмотренных ранее [1], остановлюсь лишь на отдельных, требующих, на мой взгляд, некоторых уточнений и разъяснений.

Ирония и юмор

Как вид (или жанр) юмора рассматривают иронию так много ученых [2; 3; 4; 5; 6; 7 и мн.др.], что невольно хочется присоединиться к ним, понимая, как трудно этому противостоять. Но я продолжаю держаться мне-

ния, что ирония не может рассматриваться только как вид юмора. Конечно, многие иронические тексты вызывают улыбку, а часто и смех. И все же юмор не обязательный и не главный признак иронии. Напомню мнение К. Чапека, который был и замечательным юмористом и не менее замечательным иронистом. Устанавливая социальные различия юмора и иронии, он писал: «Шутка чаще всего рождается в коллективе, будь то мальчишки в классе или рабочие в мастерской. Юмор – продукт социальный; индивидуализм способен в лучшем случае на иронию. Смех в сущности своей демократичен. Юмор явление по преимуществу народное, как жаргон – язык народа. Давно известен тот факт, что способность весело и беззаботно

шутить – привилегия социальных низов» [8: 28].

Приведу еще одну точку зрения, автор которой категорически не допускает совместности иронии и юмора. «Юмор не просто не совместим с иронией; он способен активно её атаковать. Реплика Моцарта (*Чудо!*) в сущности представляет собой пародию на иронию [имеется в виду реакция Моцарта на исполнение трактирным музыкантом арии из Дон Жуана в трагедии Пушкина «Моцарт и Сальери». Перед восклицанием «Чудо!» Моцарт хохочет. – О.Е.]» [9: 245]. Эта остроумная мысль представляется мне все же слишком категоричной. Многие иронические тексты, например, романы Ч. Диккенса полны юмора.

Можно предположить, что в основе такого утверждения лежит то обстоятельство, что часто ирония содержит насмешку или даже издевательство. Но такой бесспорный жанр юмора, как анекдот, тоже нередко заключает в себе прямое издевательство. Таковы, в частности, антисоветские анекдоты. Ср., например:

– *Как мы узнаем, что мы построили коммунизм?*

– *Из закрытого письма ЦК.*

Главное, на мой взгляд, то, что содержание иронии гораздо более многолико: ирония может быть горькой, выражать раздражение, гнев и, напротив, сочувствие. Приведу некоторые примеры из ранее цитированных текстов:

1. *Первого апреля приятель сообщил Анне, что она уволена по сокращению штатов. Какая милая шутка!*

2. *Остроумные люди часто так шутят – подсунут какую-нибудь свою вещь, а потом говорят: «А ну-ка, где мой портсигар или часы? А ну-ка обыщем-ка Ивана Семеновича». Найдут и хохочут. Это очень смешно (Н. Тэффи. Брошечка)*

3. *Мартин: (на пароходе, плывущем в Америку о женщине, оказавшейся в бедственном положении):*

– *О чем же, черт возьми, эта женщина думала, когда садилась на пароход?*

– *Марк: Да! В самом деле, о чем? На родине она жила бедно, очень одиноко и только ждала, когда снова увидится с мужем [муж уехал в Америку. – О.Е.]. Очень странно, как это сюда она попала! Рехнулась, должно быть! Другого объяснения, пожалуй, не подберешь (Ч. Диккенс. Жизнь и приключения Мартина Чезлвита. Пер. Н. Дарузес). Вряд ли в этих иронических текстах можно увидеть юмор.*

Хотела бы высказать мысль, что подобно тому, как ирония может проникать во все

виды тропов, сплошь и рядом образуя ироническую метафору, ироническую метонимию, гиперболу, литоту и сравнение, что, очевидно, одно из проявлений взаимопроникновения тропов вообще, ирония способна проникать во все речевые акты и почти во все речевые жанры. По этому вопросу существует и другое мнение.

Ссылаясь на мое утверждение «практически каждый речевой акт при определенных условиях может быть ироническим», И.Б. Шатуновский считает, что здесь есть ряд ограничений. Так, по его мнению, «Трудно представить себе иронический приказ или требование и даже ироническую стандартную, прямую просьбу с каким-то противоположным или просто иным, отличающимся от буквального пропозициональным содержанием» [10: 365].

Разумеется, если иметь в виду жанры официально-деловой речи: заявление, приказ, договор, докладную и т.п., то иронии ни в одном из них не предполагается, так сказать по определению. Сферы иронии – естественная речь, художественная литература, публицистика. Что касается просьбы, то тут на мой взгляд, дело обстоит иначе. Как истолковать «просьбы» подобного рода: *Не соблаговолите ли вы обратиться из моего дома и больше здесь не появляться?*

Ирония не находится в одном ряду с шуткой и анекдотом [см. 1: 13-28]. Я бы скорее согласилась (с большой натяжкой!) назвать иронию тропом, отчасти близким к метафоре, тем более что они отлично совмещаются, образуя ироническую метафору, но все же по-прежнему солидаризируюсь с точкой зрения Д. Кауффера: «Ирония называет такие разнородные явления (саркастичные, трагичные, комичные, романтические, сентиментальные и т.д.), что трудно надеяться на нахождение какого-то единого определения этого понятия» [11: 145].

В определенных случаях ирония проникает и в юмористические жанры, иногда и в анекдоты, но чаще всего, как отдельные словесные вкрапления.

Сопоставление языковых механизмов анекдота и иронии требует особого рассмотрения (об особенностях жанра анекдота см. [7]; о языковых механизмах анекдота [5; 12]), отмечу только, что в составе анекдота иногда употребляются лексические иронизмы. Прежде всего иронические оценки – замечательный, блестящий, потрясающий и т.п. Ср.: «*Мюллер придумал замечательный способ узнать, какой же всё-таки Штирлиц национальности...*»;

– *Специалисты говорят, что наш народ стал жить лучше.*

– А люди утверждают, что ничего не ощущают.

– Но ведь они же не специалисты.

– Оля **почему-то** ушла от Петра, хотя я сам слышал, как он её уверял: «Лена, я люблю только тебя». Но лексические иронизмы в текстах анекдотов – не очень частое явление, в основном у анекдотов существуют свои механизмы комического, обычно не свойственные иронии.

Так большая группа анекдотов достигает эффекта за счет сокрытия пресуппозиции. Некоторые примеры:

– Фирма ищет нового бухгалтера! И старого тоже!

Игра на разных употреблении глагола *искать* выявляет то, что старый бухгалтер сбежал.

– Здравствуйте. У меня лопнул стеклопакет

– По какой причине?

– Увернулся от чашки.

Внуки 120-летней бабушки психанули и сами купили квартиру.

Сопоставление иронических текстов с анекдотами, возможно, представляет интерес, потому что как в иронии, так и в анекдоте, как отмечалось не раз, часто содержится насмешка и даже издевательство. Поэтому некоторые анекдоты, хотя и не содержат манипуляции словом, близки к ироническим высказываниям, а отдельные иронические тексты могут восприниматься как анекдот. Два примера из «армянского радио».

– Должен ли коммунист платить партийные взносы со взятки?

– Должен, если он настоящий коммунист [7: 102].

Один пример из книги А.Ж. Малышевой «При попытке выйти замуж», почти сплошь состоящей из иронических текстов:

Хороший стукач – большая редкость в наше время. Сейчас люди сильно равнодушные стали, ни до кого дела нет.

В заключение рассуждений об иронии и юморе должна сказать, что я вовсе не отрицаю связь этих явлений, она несомненна. Повторю, что ирония, вызывающая улыбку, иногда даже смех, – особенность и достоинство многих художественных произведений и других сфер речи. Но совсем не всегда юмор является неотъемлемой частью иронии.

Ирония и грубость

Возвращаясь к некоторым особенностям иронии, замечу, что в ранее высказанное мною утверждение о том, что иронии в отличие от шутки и анекдота не свойственна грубость, приходится внести некоторые уточне-

ния. В разговорной речи второй половины XX в. (не исключено, что и раньше) в иронических издевательских ответах нередко наблюдается не только проявление невежливости, но и прямая грубость.

Ср:

– Его в тюрьму посадили? – **Нет, на курорт отправили.**

Оба участника диалога знают, что «он» – жестокий убийца.

Разговор двух заключенных:

– Крал что ли?

– Олифу-то?

– Ну.

– А потом её куда? На базар?

– **Нет, пил вместо лимонада** (С. Довлатов. Зона).

– Откуда это вам известно?

– Я на дереве сидела. Видела.

– **Подглядывали?!**

– **Нет в нарды играла** (Д. Бош. Разносчик пиццы).

Здесь наблюдается под видом отрицания (оно бывает выраженным словом нет, предшествующим ответу, а может заключаться в самом содержании ответа, – как правило, абсурдным) подтверждение того, что предполагает спрашивающий: «да, ясное дело, в тюрьму», «разумеется, на базар», «конечно, подглядывала» и т.д.

В зависимости от степени раздражения одного из участников диалога и его склонности к употреблению грубых слов зависит и степень грубости иронического ответа: Ср.: разговор о переезде из Петербурга в Москву Т. Образцовой и Иры

Т.: – Ира, как ты смотришь на то, чтобы уехать со мной?

И. – Куда? В Москву?

Т. – **Нет, в Зажопинские выселки.** (А. Маринина. Имя потерпевшего – никто).

В других случаях подобные издевательские ответы могут быть спровоцированы вопросами, не содержащими предположения, которые собеседник подтверждает отрицая. Ср.:

Женщины оказались в подвале. Не знают, как выбраться. Неожиданно появляется мужчина, чтобы их спасти:

– Тише ты, прошептал Ивушкин. – Это я.

– О господи! Ты что тут делаешь?

– **Трамвая жду, – зло ответил Ивушкин** (Н. Александрова. Убийство на троих).

В поезде:

– Поднимайся, – говорю, – нас же встречать будут.

– **Сейчас бы чего-нибудь горячего, размечтался Жбанков.**

– Я взял полотенце, мыло, щётку. Вытащил бритву.

– Ты куда?

– **Барана резать**, – отвечаю, – ты же горячего хотел... (С. Довлатов. Компромисс).

Приведу еще один пример утверждения под видом отрицания, также не отличающегося изяществом.

– Кто у меня ночью последнюю бутылку пива стащил?

– Скажешь, я?

– **Нет, Пушкин** (Е. и А. Грановские. Отель на краю ночи).

Ответ *Нет, Пушкин* представляет собой стереотипную реакцию в стереотипной ситуации обвинения в мелком «преступлении» (чаще всего), подобном приведённому, выражает уверенность в правильности подозрения и раздражение нежеланием подозреваемого признаться. В сущности, вопрос «кто?» является вопросом чисто формально, это уже обвинение, так как нередко адресуется именно подозреваемому.

Все приведённые примеры объединяются тем, что отвечающему вопрос на фоне ситуации-диалога представляется глупым и вызывает раздражение. Но часто абсурдным вопрос является только с точки зрения отвечающего. Так, убийцу могли и оправдать, и дать ему условный срок, олифу можно использовать и по-другому, на дереве сидеть не только с целью подглядывания и т.д.

Конечно, косвенные ответы могут быть грубыми и без иронии. Таков, например, распространенный в просторечии (если его признавать за особую сферу нелитературной речи и не объединять с разговорной) ответ на вопрос *Кто?* – **Конь в пальто**.

И, разумеется, ироническими без грубости. Ср.: *Она* [студентка – О.Е.] *сначала обьясняла месяц пропусков смертью бабушки, потом дяди, а теперь уж и мать «похоронила»*.

– И что же мать, когда узнала?

– **Думаю, обрадовалась**.

Но, как показывают наблюдения, ответ на высказанное в вопросе предположение, начинающийся словом «нет», как правило, является если не явно грубым, то по крайней мере невежливым.

Про рыбок в аквариуме, причудливо раскрашенных:

– Они, по-твоему, живые?

– **Нет, заводные**.

Несомненно грубыми являются некоторые клишированные формы отказа под видом согласия: *сейчас, побежал; спешу и падаю; всю жизнь мечтал; сплю и вижу*.

Всё это показывает, что агрессия иронии может проявляться не только в виде тонкой насмешки, но и в грубой форме, и уже тем более не «под видом похвалы». И очевидно, что некоторые типы иронических ответов отражают общее огрубление современной русской разговорной речи.

Об одном приеме тонкой иронии

Наряду с проникновением грубости в некоторые виды иронических текстов, продолжает жить и активизироваться прием сильного преуменьшения степени отрицательной оценки признака, явления, ситуации.

В свое время было отмечено, что некоторые приемы выражения иронии могут быть по-разному представлены в русском и английском языках [1: 106 и др.]. В частности, для выражения иронии в русском языке не очень характерно сильное преуменьшение степени отрицательной оценки лица или ситуации, что очень типично для английской и американской литературы. Такого рода примеров много в текстах Ч. Диккенса, Д. Джерома, Д. Голсуорси, Р. Стаута и др. Вот несколько примеров.

– *Кстати, – заметил я, – последние слова мисс Фосс я бы не назвал совершенно гёпёреих. Скорее их можно было бы отнести к разряду обидных* [Она назвала Н. Вульфа дерьмом собачьим, чванливым ничтожеством и разбухшим комом сала. – О.Е.]. (Р. Стаут, *Убийство – не шутка*, пер. А. Савина); *Элайн Ашер, как-никак, была у нас в гостях, и то, что хозяин лягнул ее в подбородок, а посетительница ударила по лицу, было не вполне гостеприимно*. (Р. Стаут. Бокал Шампанского, пер. Т. Блябина).

Взгляд Френсиса Уилмота... остановился на «Белой обезьяне». – знаете, – сказал он тихо, – вот это изумительная вещь. Нельзя ли устроить, чтобы этот художник написал мне картину, я бы отвёз её Энн и Джону.

– *Боюсь, это будет несколько затруднительно. Видите ли, он был китаец, и уже лет пятьсот, как отправился к праотцам* (Д. Голсуорси. Сага о Форсайтах. Пер. Р. Райт). В то же время в современной художественной литературе и в прессе у склонных к иронии авторов можно найти немало аналогичных приведенным примеров. Вот некоторые.

Нет! Только не журналистом! – с жаром воскликнул старший оперуполномоченный.

– *Почему? – с интересом спросил генеральный*.

– *Терпеть их не могу – пояснил Василий. – Дрянные людишки. Мелкие пакостники. И вам не советую с ними дела иметь*.

– Для меня **весьма затруднительно** не иметь дел с журналистами, если учесть, что я работаю в газете – генеральный виновато улыбнулся (А. Малышева. Бесмертный грех);

– Ты-то чему радуешься? – Тебе, Петюня, как менту, положено болеть за «Динамо».

– Я вообще-то за ЦСКА болею. Разумно. Правда, когда играют «Спартак» и «Динамо», **вероятность выигрыша ЦСКА не велика**. Зато и риска проиграть почти никакого (А. Малышева. При попытке выйти замуж);

... Моя бывшая жена взяла себе в мужа **не самого светлого человека**. Долго не верила, что он убийца (АиФ. №37. 2013);

Музыкант написал о благоверной песню «Киш», в которой отзывался о ней **не самым лучшим образом** и вытатуировал пожелание «Чтоб ты сдохла, Киш!» (Мир нов., 2006, №23).

Насчет многоголосья – хорошо бы уточнить, что имеется в виду, потому что когда рота по команде старшины заводит в сто глоток строевую песню, это, конечно, тоже многоголосье, но (как бы мягче выразиться) **не вполне Верди...** (Нов. газ., 11-13. №10. 2004).

Не исключено, что некоторая активизация этого вида иронии в последние десятилетия произошла не без влияния английского языка (и надо надеяться, литературы), наблюдающегося во всех сферах нашей жизни.

Ирония и внутренняя речь

Одной из особенностей иронии является возможность быть невысказанной, оставаться *во внутренней речи*. Примеры иронии в мыслях можно найти в художественной литературе, в разных видах публицистики, где автор текста сообщает о мыслях героя или о своих. Ср.:

Урбан страшно оживился:

– Знаете, интересная рукопись побуждает к **высоким** требованиям.

– **Ясно, думаю**. Бездарная рукопись побуждает к **низким, требованиям**. В силу этих требований её надо одобрить, издать. Интересная – побуждает к **высоким** требованиям. С высоты этих требований её надлежит уничтожить (С. Довлатов. Ремесло);

«А отпуск удался, – подумал Василий. – Ноябрь, холод, грязь, труп электрика, бессонные ночи. Именно так я мечтал отдохнуть». (А. Малышева. Бесмертный грех).

В естественном диалоге нередко один из партнеров может рассказать о посетившей его некогда иронии по поводу. В таком слу-

чае это становится цитированием самого себя.

«С некоторых пор люди стали желать друг другу **«большого человеческого счастья»**. Однажды мне тоже так пожелали. Я подумал: **«Уж лучше бы «нечеловеческого»**. Хотя это, наверное, нескромно». Хотел даже сказать поздравлявшему, но удержался (Из разговоров с одним филологом).

Обычно ирония во внутренней речи остается невысказанный по этическим, дипломатическим и другим причинам.

– Об актерах, которым было сильно за 50 лет, он сказал: **«Они еще молодые»**. – **«Совсем еще мальчики»**, – хотела сказать я, но, вспомнив, что ему уже 80, прикусила язык.

Нередко во внутренней речи наблюдается и самоирония. При этом она становится обычным видом иронии, насмешкой над собой, утрачивает свою функцию – самозащиты.

Ср.: Александра о поведении человека, активно ухаживающего за ней:

«Я с самого начала, еще с букета на сиденье автомобиля, была уверена, что грубости никакой, никакой навязчивости с его стороны не будет. **Но не до такой же степени! Не до «спокойной ночи» – и все** (А. Малышева. При попытке выйти замуж).

Самоирония во внутренней речи широко используется в художественной литературе. Она не всегда четко отграничивается от собственно-прямой речи, где на основе взаимопроникновения речи автора и речи (мысли) героя выражается (более или менее явно) ироническое отношение автора к своему герою. Именно это, например, содержится в иронической аргументации Л. Толстым того, почему Степан Аркадьевич был сторонником либеральной партии: «Либеральная партия говорила, что в России все дурно, и действительно, у Степана Аркадьевича долгов было много, а денег решительно не доставало» (Л. Толстой. Анна Каренина)

К самоиронии героя это не имеет отношения. Но нередко мы имеем дело с текстом, который можно толковать как несобственно-прямую речь с ироническим отношением автора к герою или самоиронию героя.

Ср. размышления героя, приехавшего в довольно далекую от Москвы деревню, чтобы скрыться от привычной городской жизни.

«Как он собирался тут жить? Картинок себе **напридумывал** в духе комсомольской прозы **шестидесятых...** деревенские ребята **потянутся к нему, чтобы выучиться грамоте и всякой алгебраической пре-**

мудрости, бабы будут обращаться с жалобами на пьющих мужиков, мужики же с вопросами про агротехнику. Он станет частью жизни народа, и крестьяне со временем признают его своим, **хотя, разумеется неизмеримо выше себя.** Тут Плетнев вдруг засмеялся, тоскливо и ненатурально. Он ничего не понимает в загородной жизни, и уже тем более в деревенской... В этой деревне нет никаких крестьян, одни только состоятельные московские дачники. Учить кого бы то ни было чему бы то ни было он не способен в принципе, дети его раздражают»... (Т. Устинова. Сразу после сотворения мира).

После того, как вымочил джинсы (у соседки насос сорвался) и наколол босую ногу, герой мысленно оценивает ситуацию: **«Хорошо в деревне летом!»** (Там же).

Во внутренней речи могут быть самые разные виды иронии, но особенно часто – ироническое согласие или насмешливая реакция на речь лица, с которым у иронизирующего нет диалога. Ср.:

– «Тише, друзья! – крикнул Кирилл. – Сейчас нам Мишка будет рассказывать о Севере. Расскажи нам, Миша, про медвежье мясо, про торосы, про самородки, про бандитов и про чистый спирт».

– **Спешу и падаю,** – подумал Михаил (В. Аксенов. Сюрпризы);

Разговор после выступления нового ректора университета.

А: – Ну, как тебе он?

Б: – (объективируя свою внутреннюю речь): **Я все время думала: «Какая гениальная способность говорить так, что нельзя передать того, что он сказал»** (частично цитируется предложение из Анны Карениной Л. Толстого – «Ей попробовали рассказать, что говорил доктор, но оказалось, что, хотя доктор говорил очень складно и долго, никак нельзя было передать того, что он сказал».).

Естественно, что во внутренней речи несколько видоизменяется субъектно-объектная структура иронии: иронизирующий – «жертва» – наблюдатель. Иронизирующий и наблюдатель соединяются в одном лице, а жертва иронии находится где-то во внешнем по отношению к ним мире.

Надо заметить, однако, что такое соединение в одном лице иронизирующего и наблюдателя нередко встречается в диалоге, когда при разговоре двух людей никто не присутствует.

Ср. разговор опера с сутенером

– **Так ты врач, Мелкий?** – изумился Леонид. – **По первоначальной специальности, я имею ввиду.**

– **Был, был.** Так-то работа хорошая, благородная, но не для меня. Дрянь то есть работа... с больными людьми приходилось общаться.

– **Кошмар!** – согласился Леонид. – **не для того тебя учили на доктора, чтоб к больным и убогим приставить.** (А. Малышева. При попытке выйти замуж)¹⁷.

Леонид развлекается, издеваясь над сутенером, но оценить и разделить с ним это развлечение некому. Конечно, поскольку этот диалог в художественном произведении, в роли наблюдателя выступает читатель, но в естественной речи двух людей, без третьего, это не так.

При самоиронии происходит слияние всех трех лиц. Это бывает и не только во внутренней речи. Ср.: *Я от большого ума высказала его руководителю свое впечатление о диссертации Н. Ясное дело – нажила врага.* Но здесь, как уже отмечалось, у самоиронии функция самозащиты: *«Хотите надо мной посмеяться? Не торопитесь! Я сама понимаю, что поступила, как идиотка».*

Своеобразным видом иронии во внутренней речи является «чтение мыслей животного», прежде всего кота. Известно, что способность иронизировать, по общему мнению людей, общающихся с животными – свойство кота, а не собаки (собаки простодушны и бесхитростны). Один пример.

Кот, которому надоело, что хозяин что-то пишет, вскакивает на стол и укладывает на книги и бумаги.

Хозяин: Рыська, уйди с моей работы!

Кот, глядя насмешливо и разваливаясь: «Сейчас, побежал! Занимаешься глупостями!» Хозяин начинает «подлизываться», почесывать кота.

Такое «чтение мыслей» редко наблюдается и наедине с котом и в присутствии кого-то. Вербализовать иронию кота может сам хозяин или присутствующий.

Я рассмотрела лишь отдельные вопросы из большого круга проблем – ирония в языке. Проблематика эта неисчерпаема и, конечно, требует новых подходов и наблюдений.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ермакова О.П.* Ирония и её роль в жизни языка / О.П. Ермакова. – Калуга: Изд-во Калужского гос. пед. ун-та, 2005.
2. *Борев Ю.Б.* О комическом / Ю.Б. Борев. – М.: Искусство, 1957.

¹⁷ Приводятся примеры из нескольких романов Анны Жановны Малышевой, а не Анны Витальевны.

3. Николаев Д.П. Смех – оружие сатиры / Д.П. Николаев. – М.: Искусство, 1962.
4. Эльзберг Я.Е. Вопросы теории сатиры / Я.Е. Эльзберг. – М.: Сов. писатель, 1957.
5. Карасик В.И. Анекдот как предмет лингвистического изучения // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. Вып. 1. – С. 144-153.
6. Дементьев В.В., Седов К.Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров / В.В. Дементьев, К.Ф. Седов. – Саратов: Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1998.
7. Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот. Текст и речевой жанр / Е.Я. Шмелева, А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянских культур, 2002.
8. Чапек К. Несколько заметок о народном юморе // Карел Чапек. Соч. в 5ти томах. Т.2. – М.: ГИХЛ, 1959.
9. Козинцев А.Г. Юмор: до и после иронии / А.Г. Козинцев // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. – М.: Индрик, 2007. – С. 238-253.
10. Шатуновский И.Б. Ирония и её виды / И.Б. Шатуновский // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. – М.: Индрик, 2007. – С. 340-372.
11. Kayfer D.S. Ironia, forma interpretacyina I teoria znaczenia / D.S. Kayfer // Ironia slovo/obraz terytoria. Archiwum przekładów «Pamiętnika Literackiego» pod red. Michała Głowińskiego. Gnańsk, 2002.
12. Седов К.Ф. Основы психолингвистики в анекдотах. М.: Лабиринт, 1998.
2. Borev Yu.B. *On the Comic*. [O komicheskom]. Moscow: Art, 1957.
3. Nikolaev D.P. *Laughter – the weapon of satire*. [Smekh – oruzhie satiry]. Moscow: Art, 1962.
4. Elzberg Ya.E. *Problems of the theory of satire*. [Voprosyi teorii satiryi]. Moscow: Sov. writer, 1957.
5. Karasik V.I. *Anecdote as an object of linguistic study*. [Anekdot kak predmet lingvisticheskogo izucheniya]. Zhanry rechi – *Speech genres*. Saratov: Kolledzh, 1997. Vol. 1. Pp. 144-153.
6. Demytyev V.V., Sedov K.F. *Sociopragmatic aspect of the speech genres theory*. [Sotsiopragmaticheskiy aspekt teorii rechevyyih zhanrov]. Saratov, 1998.
7. Shmeleva E.Ya., Shmelev A.D. *Russian anecdote. Text and speech genre*. [Russkiy anekdot. Tekst i rechevoy zhanr]. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2002.
8. Čapek K. *A few notes about the people's humor*. [Neskolko zametok o narodnom yumore]. Karel Čapek. Op. in a 5 volumes. Vol. 2. Moscow: GIHL, 1959.
9. Kozintsev A.G. *Humor: before and after the irony*. [Yumor: do i posle ironii]. Logicheskiy analiz yazyika. Yazykovyie mehanizmyi komizma – *A logical analysis of language. Language mechanisms of comism*. Moscow: Indrik, 2007. Pp. 238-253.
10. Shatunovskiy I.B. *Irony and its types*. [Ironiya i eyo vidy]. Logicheskiy analiz yazyka. Yazykovyie mehanizmyi komizma – *A logical analysis of language. Language mechanisms of comism*. Moscow: Indrik, 2007. Pp. 340-372.
11. Kayfer D.S. *Ironia, forma interpretacyina I teoria znaczenia*. Ironia slovo/obraz terytoria. Archiwum przekładów «Pamiętnika Literackiego» pod red. Michała Głowińskiego. Gnańsk, 2002.
12. Sedov K.F. *Fundamentals of psycholinguistics in anecdotes*. [Osnovy psikholingvistiki v anekdotakh]. Moscow: Labyrinth, 1998.

REFERENCES

1. Ermakova O.P. *Irony and its role in the life of language*. [Ironiya i eyo rol' v zhizni yazyka]. Kaluga, 2005.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике